

Жизнь в Иране сделала меня убежденной сионисткой

Мои детство и юность прошли в стране, которая изо всех сил старалась научить меня ненавидеть все, что связано с моим еврейством и с Израилем, но это сделало мои убеждения только крепче.

Я выросла в Иране в 1980-х годах и привыкла к постоянной войне и сражениям. Новый режим, воцарившийся после революции 1979 года и упразднения монархии, горел желанием направить своих демонов в жизни всех своих сограждан.

В 1981-1985 годах Иран был невероятно опасным местом. В те дни гвардия революционеров обладала значительно большей властью, чем сейчас. И беда в том, что неуверенность властей в своих силах побуждала их не видеть границ здравого смысла и по сути обеспечивать гарантию того, что ни один проступок – надуманный или реальный – не останется безнаказанным. Даже такое простое действие, как выход на улицу, стало настоящей проверкой на выдержку и поводом для тревоги.

Людям внезапно пришлось начать беспокоиться о том, во что они одеты, с кем встретились и куда собрались. Повседневной задачей иранцев стало стремление пережить очередной опасный день и остаться в целости и сохранности.

Все наши действия находились под пристальным вниманием и контролем и могли быть наказаны. Один лишь неправильный взгляд в сторону революционеров мог отправить человека в тюрьму, причем так, чтобы о нем больше никто ничего не слышал. Образованные начитанные люди стали самым уязвимым пластом общества, потому что нет никого опаснее вольнодумца.

Книги и журналы массово вывозились и сжигались. Западные

идеологии были под запретом, поскольку получившие власть имамы закрыли страну для внешнего мира.

В особенно критической ситуации оказались евреи. Были осуждены и расстреляны несколько известных общественных деятелей. Первым таким евреем, казненным новым исламистским режимом, стал филантроп и лидер еврейской общины Хабиб Эльганян – его обвинили в коррупции, контактах с Израилем и «дружбе с врагами Бога». В какой-то момент горькая судьба постигла близкую подругу моей семьи, владелицу салона – однажды ее забрали прямо с работы и казнили в одночасье. На следующее утро семья несчастной услышала о ее смерти по радио.

Мы научились скрывать свои религиозные взгляды, пряча их в сердце и за закрытыми дверями. В самом юном возрасте я уже усвоила, что допустимо и безопасно говорить на публике, а что в одно мгновение могло бы навредить родным.

В вечерних новостях, выборочно освещающих события внешнего мира, постоянно показывали палестинских детей, бросающих камни в израильских солдат, и их «успехи» воодушевленно поддерживались властями Ирана. Детей благородно называли героями и хвалили за их бесстрашные акты неповиновения тираническому режиму, который, по словам революционеров, был установлен в Израиле.

Включая эти репортажи, я наблюдала за Израилем, представленным страной, пораженной войной, с постоянными боями на улицах, безудержным беззаконием.

Но то, что нам рассказывали дома родители, сильно отличалось от официальной государственной позиции. Я росла, рассматривая каждый брошенный палестинцем в еврея камень как атаку в адрес самой идеи существования молодой еврейской нации, как кинжал в сердца всех евреев мира. Я прислушивалась к голосу диктора, но слышала только предубеждение и плоский однобокий образ опасного агрессора, присваиваемый моему любимому Израилю.

Как ни странно, жизнь в Иране сделала меня убежденной сионисткой. В стране, не проявляющей милосердия ни к кому, кто не соответствует строгому шаблону, изложенному имамами, я научилась отличать правду от лжи и докапываться до истины.

Я выросла в стране, которая изо всех сил старалась научить меня ненавидеть все, что касается моего еврейства и единственного еврейского государства в мире. Но, вопреки всему, это сделало мои убеждения только крепче. Я с детства мечтала о том заветном дне, когда у меня появится возможность посетить это особенное место, которое я могла прежде видеть только на своем маленьком телеэкране, почувствовать его боль и поплакать вместе с ним.

Когда, наконец, я впервые приземлилась на Святой Земле летом 1997 года, я припала к земле в аэропорте Бен-Гурион и целовала ее со слезами на глазах и радостью в сердце. Я увидела место, наполненное красотой и миром, и людей, которые преобразовали бесплодную пустыню в настоящий райский сад, наполнив его демократией, толерантностью и честностью. Я своими глазами увидела все то, о чем говорили родители.

Наблюдая в последние недели за тем, как ХАМАС обстреливает ракетами города Израиля и что об этом пишут международные СМИ, я снова и снова задаюсь вопросом, видит ли мир то, что происходит на самом деле. Неужели несправедливость и агрессия по отношению к Израилю – это лишь часть моего воображения? Быть свидетелем того, как еврейские дети вынуждены спать на лестницах, лишь там находя укрытие от огненного дождя, по-настоящему разрывает душу в клочья. Их боль будет преследовать их еще долгие годы.

Террор и его пропаганда никогда не будут способствовать установлению мира, а ненависть не сможет стать основой единства.

Давайте же объединим наши голоса в молитве за достижение полноценного перемирия Израиля с его соседями и не дадим

кровопролитию распространиться еще больше.

Источник